

**ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»**

Кафедра *Гуманитарных дисциплин*

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по УВР
П.Ф.Зубаилова
« 29 » мая 2023 г.

ФОНД ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ

*По дисциплине Б1.В.11
«История русской литературной критики»*

Направление подготовки

*44.03.05 Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)*

**Направленность (профиль) программы бакалавриата:
«Русский язык» и «Литература»**

Квалификация (степень)
Бакалавр

Форма обучения
очная

Дербент
2023

Организация-разработчик: Частное образовательное учреждение высшего образования «Социально-педагогический институт» (ЧОУ ВО «СПИ»)

Разработчик:

д.ф.н., профессор кафедры Гд Юсуфов М.Г.
(занимаемая должность) (степ., инициалы, фамилия)

Одобрено на заседании кафедры

гуманитарных дисциплин

26 мая 2023 г., протокол № 11

Зав. кафедрой к.ф.н., доцент Ашимова А.Ф.

АННОТАЦИЯ

Фонд оценочных средств составлен на основании Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки **44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)**.

ФОС предназначен для текущего и промежуточного контроля знаний студентов, обучающихся направленность (профиль) программы бакалавриата: **«Русский язык» и «Литература»**.

ФОС состоит из:

1. Перечень компетенций (или их индикаторов) с указанием этапов их формирования в процессе освоения образовательной программы;
2. Описание показателей и критериев оценивания компетенций на различных этапах их формирования, описание шкал оценивания;
3. Типовые контрольные задания или иные материалы, необходимые для оценки знаний, умений, навыков и (или) опыта деятельности, характеризующих этапы формирования компетенций в процессе освоения образовательной программы;
4. Методические материалы, определяющие процедуры оценивания знаний, умений, навыков и (или) опыта деятельности, характеризующих этапы формирования компетенций.

С фондом оценочных средств можно ознакомиться на сайте ЧОУ ВО «Социально-педагогический институт» www.spi-vuz.ru

Фонды оценочных средств для проведения промежуточной аттестации обучающихся.

1. Перечень компетенций (или их индикаторов) с указанием этапов их формирования в процессе освоения образовательной программы

ПК-5.4 - Рассматривает художественное произведение в контексте знания закономерностей развития литературного процесса в культурно-историческом аспекте в устном и письменном ответах.

ПК-4.2 - Осуществляет руководство проектной, исследовательской деятельностью обучающихся / воспитанников; организывает конференции, выставки, конкурсы и иные мероприятия в соответствующей предметной области и осуществляет подготовку обучающихся/ воспитанников к участию в них.

№	Разделы	Контролируемые компетенции (или их индикаторы)	Оценочные средства
1	Введение	ПК-5.4; ПК-4.2	Устный опрос, реферат, тестовые задания, письменные работы
2	Русская литературная критика XVIII в.	ПК-5.4; ПК-4.2	Устный опрос, реферат, тестовые задания, письменные работы
3	Русская литературная критика первой половины XIX в. (1800 – 1850-е гг.)	ПК-5.4; ПК-4.2	Устный опрос, реферат, тестовые задания, письменные работы
4	Русская литературная критика второй половины XIX в. (1850 – 1890-е гг.)	ПК-5.4; ПК-4.2	Устный опрос, реферат, тестовые задания, письменные работы

2. Описание показателей и критериев оценивания компетенций на различных этапах их формирования, описание шкал оценивания

№	Аббревиатура компетенции	Поведенческий индикатор	Оценочные средства
	ПК-5.4; ПК-4.2	Уровень знаний - основные методы сбора и анализа информации, способы формализации цели и методы ее достижения; - основные закономерности историко-культурного развития человека и человечества; - особенности педагогического процесса в условиях поликультурного и полиэтничного общества; - содержание и художественные особенности литературных произведений, этапы историко-литературного процесса; - основные требования к комплексному филологическому анализу художественного текста;	Устный опрос, реферат, тестовые задания, письменные работы

	<p>Уровень умений</p> <ul style="list-style-type: none"> - анализировать, обобщать и воспринимать информацию; - ставить цель и формулировать задачи по её достижению; - толерантно воспринимать социальные и культурные различия ; - взаимодействовать с различными субъектами педагогического процесса; - ориентироваться в тексте как в структурно-семантическом образовании и анализировать литературное произведение как художественно-эстетическое явление; - определять художественное значение литературного произведения в связи с общественной ситуацией и культурой эпохи; <p>Уровень навыков</p> <ul style="list-style-type: none"> - культурой мышления; - способами установления контактов и поддержания взаимодействия с субъектами образовательного процесса в поликультурной образовательной среде; - навыками лингвистической интерпретации и анализа художественных текстов разных жанров 	
--	--	--

Описание шкалы оценивания

На зачет

№	оценивание	Требования к знаниям
1	Зачтено	Компетенции освоены
2	Не зачтено	Компетенции не освоены

3. Типовые контрольные задания или иные материалы, необходимые для оценки знаний, умений, навыков и (или) опыта деятельности, характеризующих этапы формирования компетенций в процессе освоения образовательной программы.

Примерная тематика рефератов:

- 1.Белинский как создатель теории русского реализма.
- 2.Белинский о народности критики и ее общественной роли.
- 3.Белинский о типах «лишних людей» в русской критике.
- 4.Гоголь - литературный критик.
- 5.Горький - литературный критик.
- 6.Гражданский революционный романтизм в критической деятельности декабристов.
- 7.Декадентская критика.
- 8.Добролюбов как создатель «реальной критики».
- 9.Идейно-эстетические поиски литературы 50-70 гг. XX века и их отражение в литературной критике.
- 10.Идейно- эстетические программы литературной критики 20-30-х гг. XX века.
- 11.Идеологическая борьба в литературной критике XVIII- XIX вв.
- 12.Критическое наследие А.М. Горького.
- 13.Литературная критика и современная общественная жизнь.

14. Литературная критика как «движущаяся эстетика».
15. Литературная критика на современном этапе.
16. Марксистское осмысление традиций классического реализма в литературно-критической деятельности Воровского.
17. Михайловский - ведущий литературный критик народнического движения.
18. Надеждин - как предшественник В. Белинского в русской критике.
19. Основные категории сентименталистской эстетики в статьях Карамзина.
20. Основные особенности развития русской литературной критики 20-30-х годов XX века. Основные положения «эстетической критики» в деятельности Дружина, Анненкова и Дудышкина.
22. Письмо к Гоголю как программный документ деятельности критика Белинского.
23. Плеханов как историк русской общественной мысли и литературной критики.
24. Проблема положительного героя художественной литературы в критике 50-70-х годов.
25. Проблемы метода и мировоззрения, классовости и партийности, народности и гуманизма художественного творчества в русской.
26. Проблемы методологии, теории и истории литературы в современной литературной критике
27. Программа раннего русского романтизма в критическом творчестве Жуковского.
28. Прогрессивный романтизм братьев Н. и К. Полевых.
29. Пропаганда демократических традиций русского реализма в литературно-критической деятельности Луначарского.
30. Публицистическая критика Новикова.
31. Пушкин - литературный критик.
32. Разработка концепции «лишнего человека» и нового героя времени в критике Добролюбова.
33. Революционный характер литературной критики Писарева.
34. Русская литературная критика второй половины 30-х - 50-х гг. XX века.
35. Славянофильская критика и ее разновидности.
36. Статьи Чернышевского 50-60-х гг. как основные манифесты реалистического искусства.
37. Толстой, Чехов, Мамин-Сибиряк, Успенский и Горький в оценках критика-народника Скабичевского.
38. Элементы социального понимания прекрасного в эстетике Крылова и Радищева.
39. Эстетическая теория Чернышевского и современность.
40. Эстетический кодекс русского классицизма в творческой деятельности Ломоносова, Третьяковского и Сумарокова.

Вопросы к устному опросу

1. Предмет, задачи и функции литературной критики. Связь критики с теорией, историей литературы, публицистикой, эстетикой.
2. Жанры литературной критики. Принципы классификации жанров в критике.
3. Литературная критика периода классицизма (деятельность М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.К. Третьяковского).
4. Сентиментальная критика. Учение Н.М. Карамзина о критике как о "науке вкуса".
5. Общая характеристика литературной критики переходного периода (1800 - 1820-е гг.)
6. Романтическое направление в критике. В.А. Жуковский - критик.
7. Литературно-критическая деятельность декабристов (А.А. Бестужев, К.Ф. Рылеев, В.К. Кюхельбекер).
8. Творчество А.С. Пушкина в критике 1820-х гг. (А.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, К.Ф. Рылеев).
9. Философская критика 1830-х гг. (И.В. Киреевский, Д.В. Веневитинов, Н.И. Надеждин).
10. Творчество Пушкина в критике 1830-х гг. (И.В. Киреевский, Н.И. Надеждин, Н.В. Гоголь).

11. Литературно-критическая деятельность Н.В. Гоголя.
12. Литературно-критическая деятельность В.Г.Белинского "телескопского" периода.
13. Эстетические и литературно-критические взгляды В.Г.Белинского конца 1830 - начала 1840-х гг.
14. Формирование теории реализма в статьях В.Г.Белинского 1840-х гг.
15. Историко-литературная концепция В.Г.Белинского и ее эволюция.
16. В.Г.Белинский о современных тенденциях развития русской литературы. Обоснование эстетических принципов "натуральной школы".
17. В.Г. Белинский о характере пушкинского реализма (цикл "Сочинения Александра Пушкина").
18. Творчество Н.В. Гоголя в критике 40-х гг. (С.П.Шевырев, В.Г.Белинский, К.С. Аксаков). Полемика вокруг "Мертвых душ".
19. Творчество М.Ю.Лермонтова в критике 1840-х гг. (С.П.Шевырев, В.Г.Белинский).
20. Жанр обозрения в литературной критике В.Г.Белинского.
21. Восприятие наследия В.Г.Белинского в конце XIX - начале XX вв.
22. Славянофильское направление в критике.
23. Литературная критика и журналистика второй половины 1850 - 60-х гг. (общая характеристика).
24. "Органическая" критика Ап. Григорьева.
25. "Эстетическая" критика А.В.Дружинина. "Эстетическая критика" о пушкинском и гоголевском направлениях в русской литературе.
26. Эстетическая концепция Н.Г. Чернышевского.
27. Принципы "реальной" критики Н.А. Добролюбова.
28. Литературно-критическая деятельность Д.И. Писарева.
29. Проблема новых и лишних людей в критике 1860-х гг. (Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев, Н.Н.Страхов).
30. Роман "Отцы и дети" в критике 1860-х гг. (М.А.Антонович, Д.И.Писарев, Н.Н.Страхов).
31. Творчество А.Н.Островского в критике 1860-х гг. (Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев, А.А. Григорьев, А.В.Дружинин).
32. Творчество И.А.Гончарова в критике 1840 - 1860-х гг. (В.Г.Белинский, А.В.Дружинин, Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев).
33. Творчество Ф.М.Достоевского в критике 1840 - 1880-х гг. (Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев, Н.К.Михайловский).
34. Стиль литературно-критических статей Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева, А.В.Дружинина.
35. Литературно-критические взгляды Ф.М.Достоевского, И.А.Гончарова.
36. Литературная критика 1870 - 1880-х гг. (общая характеристика).
37. Литературно-критическая деятельность Н.К. Михайловского.
38. Переосмысление истории русской критики в работах символистов.
39. Формирование принципов символистской критики в 1890 - 1900-е гг. Предсимволистская критика и критики "старших" символистов.
40. Интерпретация творчества Ф.М. Достоевского в работах В.С. Соловьева, В.В. Розанова.
41. Русская поэзия XIX века в оценке критиков-символистов (статьи о поэзии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова).
42. Манифесты акмеистов: отталкивание от символистских доктрин и осмысление достижений символизма.
43. Литературно-критические программы футуристов.
44. Литературная критика марксистской ориентации (критические выступления Г.В. Плеханова, В.В. Воровского, А.В. Луначарского).

Практические задания

Раздел 2. Русская литературная критика XVIII в.

«Нормативно-жанровая классицистическая критика (М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков)». Н.И. Новиков как литературный критик. Н.М. Карамзин как литературный критик).

План семинара

1. Особенности русской литературной критики 1730 — 1750-х гг.
2. Проблемы стихосложения, русского языка и жанрообразования в полемике между В.К. Тредиаковским, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым.
3. Концепция сатиры в полемике между Н.И. Новиковым и Екатериной II.
4. Литературно-критическая деятельность Н.М. Карамзина.

Задания для самостоятельной работы

1. Прочитайте отрывки из произведений А.П. Сумарокова и М.В. Ломоносова и ответьте на вопрос: в чем сходство и в чем различие позиций этих двух авторов в споре о взаимоотношениях русского и церковнославянского языков?

Александр Петрович Сумароков (1717 — 1777) Из «Эпистолы о русском языке» (1748)

Но не такие так полезны языки, Какими говорят мордва и вотяки;

Возьмем себе в пример словесных челоуеков: Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал французский, Иль, наконец, сказать, каков способен русский!

Довольно наш язык в себе имеет слов, Но нет довольного числа на нем писцов.

<...>

Язык наш сладок, чист, и пышен, и богат, Но скупно вносим мы в него хороший склад. Так чтоб незнанием его нам не бесславить,

Нам должно весь свой склад хоть несколько поправить. Не нужно, чтобы всем над рифмами потеть,

А правильно писать потребно всем уметь.

<...>

Сердись, что мало книг у нас, и делай пени:

«Когда книг русских нет, за кем идти в степени?» Однако больше ты сердися на себя

Иль на отца, что он не выучил тебя.

А если б юность ты не прожил своевольно, Ты б мог в писании искусен быть довольно.

Трудолюбивая пчела себе берет

Отвсюду то, что ей потребно в сладкий мед, И, посещающа благоуханну розу,

Берет в свои соты частицы и с навозу. Имеем сверх того духовных много книг; Кто винен в том,

что ты псалтыри не постиг, И, бегучи по ней, как в быстром море судно,

С конца в конец раз сто промчался безрассудно. Коль «аще» «точию» обычай истребил,

Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил? А что из старины поныне неотменно,

То может быть тобой повсюду положенно.

Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем, Которы мы с тобой нерусскими зовем.

Он тот же, а когда б он был иной, как мыслишь Лишь только оттого, что ты его не смыслишь,

Так что ж осталось бы при русском языке? От правды мысль твоя гораздо вдалеке.

Не знай наук, когда не любишь их, хоть вечно, А мысли выражать знать надобно, конечно.

М.В. Ломоносов (1711 — 1765) Предисловие о пользе книг церковных в российском языке

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с

греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу. Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и отсюда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно. Правда, что многие места оных переводов недовольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. Присем, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравнением российского языка с другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна в католицкую веру, отправляют службу по своему обряду на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские по большей части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротив того, в католических областях, где только одну латынь, и то варварскую, в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: Бог, слава, рука, ныне, почитаю.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю. Неупотребительные и весьма обетшальные отсюда выключаются, как: обаваю, рясны, овогда, свене и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например : говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля : высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость.

И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, и от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суг комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы. Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии баварский крестьянин мало понимает мекленбургского или бранденбургского швабского, хотя все того ж немецкого народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность. По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время. Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует:

По важности освященного места церкви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.

Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.

Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще через латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славенском языке украшаться будет.

2. На основе анализа отрывка из критики В.К. Третьяковского на трагедию А.П. Сумарокова «Гамлет» перечислите особенности русской литературной критики середины XVIII в.

В.К. Третьяковский (1703 — 1768)

«Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю» (1750) В трагедии Гамлете, говорит у Автора женщина именем Гертруды, в дейст. 11, в явл. 2, что она

И на супружню смерть не тронута взирала.

Кто из наших не примет сего стиха в следующем разуме, именно ж, что у Гертруды супруг скончался не познав ее никогда, в рассуждении брачного права, и супруговы должности? Однако Автор мыслил не то: ему хотелось изобразить, что она нимало не печалилась об его смерти. Того ради надлежало-было ему написать так сей стих:

И на супружню смерть без жалости взирала.

При том, вводит наш Автор в свои сочинения неупотребительные слова, как то в последок за напоследок, не времянно за не навремя, мгновенно за во мгновении, отколе в Гамлете за откуда, подвела за навела в Хореве, бремянило за отягощало, су гублю за усугубляю, мечтуйся замечтайся, жесточе за жесточае или жесточайше, из нова за из нового или просто нового; умеряй, умеряючи, не знаю за что полагает. Многие он речи составляет подлым употреблением, как то, паденье за падение, отмщенье за отмщение, желанье за желание, воспоминанье за воспоминание; так оружие, сомненье, понятье, безумье, Офелью, Полонья, за Офелию, Полония, и прочие премногие. Настоящие деепричастия за прошедшие пишет по площадному, как то, пременя вместо пременив и пременивши, увидя за увидевши, усладясь за усладившись, утомя за утомивши, и прочия премногие. Метафоры употребляет несвойственные, как то низвергнуться в пленение, таинство пронзить, ярость внемлешь, быть милу сурово; и при том многие ж вводит так называемый катахризисы, как то, в народы смерть метать, кидать в ветры знамена: ибо все сие такова рода, как у Горация, бежать рысью и вскачь на долгой палке. Мило очень нашему Автору непостоянное употребление слов, как то инде ево, а йнде на него, инде ея, а инде ее; инде свет, как-то пребудь над градом свет! о свет останься здесь! а инде свет, как то, света край, и во многих еще местах. Сюда ж принадлежит и разнovidное сочинение, как то инде не то меня льстит, а инде не венец мне льстит. Сколько ж у Автора солецисмов, то есть, ложных сочинений, и составов словам; того и счесть почитай невозможно. Но малое из едва объятного вам здесь предлагаю. Пишет он скажите за скажете, услышилось за услышалось, увидючи за увидячи, слышил за слышал, оставшей за оставшейся, не принуждай мне то себе сказать за не принуждай меня, скиптр свой во зло вменяешь за скиптр твой, мне верности давно их внутренну явят за мне верности давно внутренность свою являют, пустите убежать мне вас умрети ныне за пустите, чтоб я побежал от вас умереть теперь, пусть кровиюмоею напьется вран в лесах за пусть крови моя напьется, Велькаром освобожден нечаянно темницы за Велькаром освобожден нечаянно из темницы, от третьей он стрелы падуш не мог встать боле за от третьей он стрелы упадши, бегут без памяти падут с коньми с гор в воды за бегут без памяти, падают; иметь мужество на место своево за иметь мужество вместо своего, скрыться грозных туч за от грозных туч, с юности моей за от юности моя, иттить из градских стен за сходить с градских стен или итти из-за градских стен, сетуешь в смятении своем за сетуешь в смятении твоём, виню часть века своево за виню часть века моего, какой ты помощи, княжна, желаешь мной за какия ты помощи, княжна, желаешь от меня, слабости свои могла я победати за слабости мои, взытпи в царский одр за взыти на царский одр, на чью он жизнь алкал; но на жизнь алкать сочинено весьма странно: ибо глагол алчу есть самостоятельный и не правит никаким падежем, то есть, говорится просто алчу. Пусть прочтет Автор послания святого апостола Павла, то и увидит во многих местах мою правду, а свою превеликую погрешность. Увидит он, что есть там: аще алчет враг твой, до нынешняго часа и алчем, и он алчет, аще

кто алчет, навыкохом и насыщаются и алкати, не взалчут ктому. Во всех сих местах глагол алчу стоит самостоятельно, как то называют наши грамматисты. Напоследок, есть в Гамлете у Автора и молящая тебе за молящая тебя. Знаю, что Автор сей солецисм исправил на листочке между погрешностями. Но достоверно знаю ж, что сии погрешности не типографские, но природно Авторовы: ибо я сам моими глазами видел, что в рукописном подлиннике писанном Авторовою рукою стояло молящая тебе; в последнем печатном листе исправленном Авторовою рукою, и подписанном к печати, было молящая тебе; знаю и сие, что по напечатании Автор взял к себе книжки с молящая тебе: но после, как уже сказано было от доброго человека некоторому из его приятелей, и что Гамлет напечатан с молящая тебе, и с поборник вместо противник, о чем ниже; а сей его приятель ему самому сказал, что то знатное очень погрешение: то тогда уже наш Автор узнал, что он грубо ошибся, да и где не так? и для того просил, чтоб листочик напечатан был с погрешностями исправленными. Однако не дерзнул он на том листочке написать так: типографские погрешности; но поставил просто погрешности, для того что оне не типографские, но его собственные.

3. На основе анализа полемики между журналом Екатерины II «Всякая всячина» и журналом Н.И. Новикова «Трутень» ответьте на вопрос: какую концепцию сатиры отстаивала Екатерина II и какую концепцию сатиры отстаивал Н.И. Новиков.

«Всякая всячина», 1 мая

Писатель письма от 26 марта 1769 года, подписанного ваш покорнейший и усердный слуга А., узнал, что его письмо не будет напечатано. Мы советуем ему оное беречь до тех пор, пока не будет сделан лексикон всех слабостей человеческих и всех недостатков разных во свете государств. Тогда сие письмо может служить реестром ко вспоможению памяти сочинителю; а до тех пор просим господина А. сколько возможно упражняться во чтении книг таких, посредством которых мог бы он человеколюбие и кротость присовокупить ко прочим своим знаниям; ибо нам кажется, что любовь его ко ближнему более простирается на исправление, нежели на снисхождение и человеколюбие; а кто только видит пороки, не имев любви, тот неспособен подавать наставления другому. Мы и о том умолчать не можем, что большая часть материй, в его длинном письме включенных, не есть нашего департамента. Итак, просим господина А. впредь подобными присылками не трудиться; наш полет по земле, а не на воздухе, еще же менее до небеси: сверх того, мы не любим меланхолических писем.

Государь мой!

Я весьма веселого нрава и много смеюсь; признаться должно, что часто смеюсь и пустому: насмешником же никогда не бывал. Я почитаю, что насмешки суть степень дурносердечия; я, напротив того, думаю, что имею сердце доброе и люблю род человеческий. Итак, не извольте ошибиться в моем нраве, когда говорю, что я смешлив; но выслушайте, чему я намнясь смеялся так, что и теперь еще бока болят. Был я в беседе, где нашел человека, который для того, что он более думал о своих качествах, нежели прочие люди, возмечтал, что свет не так стоит; люди все не так делают; его не чтут, как ему хочется; он бы все делать мог, но его не так определяют, как бы он желал: сего он хотя и не выговаривает, но из его речей легко то понять можно. Везде он видел тут пороки, где другие, не имев таких, как он, побудительных причин, насилу приглядеть могли слабости, и слабости, весьма обыкновенные человечеству. Ибо все разумные люди признавать должны, что один бог только совершен; люди же смертные без слабостей никогда не были, не суть и не будут. Но ворчаливое самолюбие сего человека изливало желчь на все то, что его окружало. Для чего же? Для того, что он стыдился выговорить свои собственные огорчения: и так клал все насчет превратного будто света, которого, он сказывал, что ненавидит: да сие и приметить можно было из его речей. Один тут случившийся молодец удалый, долго слушая терпеливо и молча поношения смертных, наконец потерял терпение и сказал ему: государь мой, вы весьма ненавидите ближнего своего; тиран Калигула во своем сумасбродстве

говаривал, что ему жаль, что весь род человеческий не имеет одной головы, дабы ее отрубить разом: не того ли и вы мнения? Наш рассказ сим вопросом был приведен во превеликий стыд и, чувствуя, что он страстями своими был проведен к показанию толикой ненависти к людям, что подал причину вспомнить Калигулу, вскочил со стула, покраснел, потом пальцы грыз, бегая по комнате, напоследок выбежал и уехал, знатно от угрызения совести. А мы во весь вечер смеялись людской слабости. Но после размышляя о сем происшествии с большим примечанием, расстались, обещав друг другу: 1) никогда не называть слабости пороком; 2) хранить во всех случаях человеколюбие; 3) не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения. Я нашел сие положение столь хорошо, что принужденным себя нахожу вас просить дать ему место во "Всякой всячине". Я же есмь
ваш покорный слуга

Афиноген Перочинов.

P. S. Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить.

«Трутень». Лист V. 26 мая 5

Господин Трутень!

Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки. Я сам того мнения, что слабости человеческие сожаления достойны; однакож не похвал, и никогда того не подумаю, чтоб на сей раз не покривила своею мыслию и душою госпожа ваша прабабка дав знать на своей стр. 340, в разделении 52, что похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает; и ежели смели написать, что учитель, любви к слабостям не имеющий, оных исправить не может, то и я с лучшим основанием сказать могу, что любовь к порокам имеющий никогда не исправится. Еще не понравилось мне первое правило упомянутой госпожи, то есть чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоанн и Иван не все одно. О слабости тела человеческого мы рассуждать не станем; ибо я не лекарь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая в каждую сторону покривиться может. Да и я не знаю, что по мнению сей госпожи значит слабость. Ныне обыкновенно слабостию называется в кого-нибудь по уши влюбиться, то есть в чужую жену или дочь; а из сей мнимой слабости выходит: обесчестить дом, в который мы ходим, и поссорить мужа с женою или отца с детьми; и это будто не порок? Кои построжее меня о том при досуге рассуждают, назовут по справедливости оный беззаконием. Любить деньги есть та же слабость; почему слабому человеку простительно брать взятки и набогачаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по-моему, все одно; а беззаконие дело иное.

На конце своего листка ваша госпожа прабабка похваляет тех писателей, кои только угождать всем стараются; а вы сему правилу, не повинуюсь криводушным приказным и некстати умствующему прокурору, не великое сделали угождение. Не хочу я вас побуждать, как делают прочие, к продолжению сего труда, ниже вас хвалить; зверок по кохтям виден. То только скажу, что из всего поколения вашей прабабки вы первый, к которому я пишу письмо. Может статья, скажут г. критики, что мне как Трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно; но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такую пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет. Я хотел было сие письмо послать к госпоже вашей прабабке; но она

меланхолических писем читать не любит; а в сем письме, я думаю, она ничего такого не найдет, от чего бы у нее от смеха три дни бока болеть могли.

Покорный ваш слуга

Правдулюбов.

9 мая, 1769 года.

«Всякая всячина», 29 мая 66

На ругательства, напечатанные в "Трутне" под пятым отделением, мы ответственность не хотим, уничтожая оные; а только наскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потаччиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение ко человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь. Как бы то ни было, отдавая его публике на суд, мы советуем ему лечиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумаге, до коей он дотрогивается. Нам его меланхолия не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать. Если б он писал трагедии, то бы ему нужно было в людях слезливое расположение; но когда его трагедии еще света не узрели, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гневаться на зубоскалов.

«Трутенъ». Лист VIII. 16 июня 12

Господин издатель!

Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может; а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52 ею означенных, русский человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А. прав и что госпожа Всякая всячина его критиковала криво.

В пятом листе "Трутня" ничего не писано, как думает госпожа Всякая всячина, ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа Всякая всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей

пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист "Трутня" уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластием свойственное; а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам, и так их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце, потому что, по ее мнению, исключая моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки; и так думаю, что сие мое изъяснение знающему российский язык и правду не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше

приличен или сей госпоже. Она, сказав, что на пятый лист "Трутня" ответственность не хочет, отвечала на оный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то, кажется, для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым потому, что не понял ее нравочений. На то отвечаю: что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа Всякая всячина отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

Покорный ваш слуга

Правдулюбов.

6 июня, 1769 года.

4. С помощью статьи Н.М. Карамзина «Эмилия Галотти» охарактеризуйте методику литературно-критического анализа, которую использует в своей критике Карамзин. Какие художественные критерии он применяет при разборе трагедии Лессинга «Эмилия Галотти»?

Н.М. Карамзин (1766 — 1825)

Из статьи «Эмилия Галотти» (1791)

Одоардо был в таких же обстоятельствах, как и несчастный римлянин; имел такой же великий дух, гордую чувствительность и высокое понятие о чести. Рассмотрим только поближе его положение, чувства и мысли, которые занимали душу его перед свершением убийства.

Умертвили жениха его дочери, столько любезного ему и ей, - умертвили для того, что принцу угодно было избрать невесту в предмет сладострастных своих желаний; обманом привели дочь его к принцу и не хотели отдать отцу под предлогом, будто бы надлежало ее допросить в суде, не знает ли она убийцы жениха своего. Сей вымысл, достойный ада и камергера Маринелли, - вымысл, который был еще злобнее вымысла римского децемвира, - должен был привести в бешенство пламенного Одоардо. В первом движении праведного гнева своего хотел было он заколоть и сладострастного принца и злобного помощника его; но мысль: "Мне ли убивать, как бандиты убивают?" - остановила его руку. Надлежало на что-нибудь решиться, и на что-нибудь великое, достойное такого мужа, каковым представлен нам Одоардо. Неужели он так покорится обстоятельствам, так вдруг унижится в чувствах, чтобы отдать Эмилию в наложницы принцу, - тот, кто почитал себя выше всех обстоятельств, кто страх почитал за низость? Одоарду быть отцом обесчещенной женщины? Одоарду снести, чтобы на него указывали пальцем и говорили с злобною усмешкою: "Вот тот, кто никогда не хотел унижаться перед нашим принцем, кто почитал себя выше всех обид со стороны его, но кто с низким поклоном отдал ему дочь свою и принес покорнейшую благодарность за то, что ему или его помощнику угодно было отправить на тот свет жениха нежной Эмилии"? Какие

же средства оставались ему спасти ее? К законам ли прибегнуть там, где законы говорили устами того, на кого бы ему просить надлежало? Увезти ли ее силою оттуда, где гвардия хранила вход и выход? - Обратим теперь глаза на Одоарда.

Он утихает и задумывается. Наконец, как от сна пробудившись, говорит: "Хорошо! Дайте мне только видеться, один раз видеться с моею дочерью!" Тут, будучи оставлен самому себе, сражается он с ужасною для него мыслию: "Если она сама с ним согласилась? Если она недостойна того, что я для нее сделать хочу?" Итак, он уже решился; но на что, зритель еще не знает. "Что же хочу я для нее сделать? - продолжает Одоардо. - Осмелюсь ли сказать самому себе? Ужасная мысль!" - Здесь зритель готовится уже к чему-нибудь страшному. - "Нет, нет! Не буду ее дожидаться! (Смотря на небо.) Кто безвинно ввергнул ее в эту бездну, пусть тот и спасает ее! На что ему рука моя?" - Вот черта, которая показывает, сколь хорошо знал автор сердце человеческое! Когда человек в крайности решится на что-нибудь ужасное, решение его, пока еще не приступил он к исполнению, бывает всегда, так сказать, неполное.

Все еще ищет он кротчайших средств - не находит, но все ищет, как будто бы не веря глазам или рассудку своему. Обратимся к Одоарду. В самую ту минуту, как он воображает себе всю ужасность своего намерения и содрогается, предстает душе его мысль о провидении, которому он верил в жизни своей. "Как! Неужели оно попустит торжествовать пороку? Неужели оно не спасет невинности? Почему знать, какими средствами?" С сею мыслию хочет он идти; но тут является Эмилия. "Поздно!" - восклицает он - и мысль, что провидение посылает к нему дочь его с тем, чтобы он решил судьбу ее, как молния проникает его душу. Такие скорые перемены в намерениях мятущейся души весьма естественны. Она бывает внимательна к самому ветерку и слушает, не шепчет ли ей какой глас с неба. Эмилия представляется глазам его в самое то время, как он хочет от нее удалиться, - это значило для него: не удаляйся.

Теперь остается ему только увериться в добродетели своей Эмилии - и уверяется - и находит в дочери своей героиню, которая языком Катона говорит о свободе души. "Где тот человек, - восклицает она, - который другого человека к чему-нибудь приневолить может? Я боюсь не принуждения, а соблазна; я женщина". Тут в душе Одоардовой должны были возбудиться все прежние ужасные для него мысли о дочери обесчещенной. Тут Эмилия требует кинжала, почитая в фанатизме своем такое самоубийство за дело святое. "Для избежания соблазна, - говорит она, - тысячи бросались в воду и становились святыми". Одоардо, желая увериться в ее решимости, дает ей кинжал - она хочет заколоться, но он вырывает его, сказав: "Это не для твоей руки..." При сих словах он должен был думать: "У тебя есть отец; так или иначе, но ему надлежит спасти тебя". Эмилия, срывая у себя с головы розу, хочет его еще более тронуть. "Ты не должна украшать волосы такой женщины, какою отец мой хочет меня видеть!" Одоардо отвечает только повторением ее имени - произносил ли он его когда-нибудь в жизни своей таким голосом и с таким чувством! Душа его обнаружилась перед пронизательною Эмилиею. "О! Если угадываю ваши мысли! - говорит она, пристально смотря ему в глаза. - Но нет, вы и этого не хотите. Для чего же бы медлить? (Печальным голосом, разрывая розу.) Некогда был такой отец, который, избавляя дочь свою от стыда, пронзил кинжалом грудь ее, и - вторично даровал ей жизнь. А ныне нет уже таких дел! Нет уже таких отцов!" Мне кажется, что я в сию минуту вижу всю душу Одоардову. "Итак, дочь моя думает сама, что я могу умертвить ее, - что я не имею иного способа избавить ее от бесчестия и потому должен умертвить ее? Итак, был пример дочеубийства? Был дочеубийца, которому удивляется потомство? И могли ли обстоятельства его быть ужаснее моих? Кажется, что я уже слышу тирана, идущего похитить у меня дочь мою. Нет, нет! Он не похитит, не обесчестит ее! Есть еще другой Виргинии в свете, дочь моя, есть!" - И холодное железо пронзает Эмилиину грудь, и Эмилия издыхает в объятиях убийцы, отца своего, и зритель чувствует, что Одоардо мог заколоть Эмилию так, как Виргинии заколол Виргинию, и "Эмилия Галотти" пребудет венцом Лессинговых драматических творений.

И сколь естественно было Одоарду заколоть дочь свою, столь же естественно было ему и раскаяться в первый миг по свершении дела и, видя падающую Эмилию, воскликнуть: "Боже! Что я сделал!" Он почувствовал себя отцом, убившим дочь свою. - Все, что несчастный говорит потом принцу, раздирает душу чувствительного зрителя. Не хочет он убить себя. "Вот окровавленный знак моего преступления! - говорит он, бросая кинжал. - Я сам пойду в темницу". - Гордость замерла в сердце его; чувство своего дела заглушает в нем все иные чувства.

5. Какую концепцию авторства развивает Н.М. Карамзин в статье «Что нужно автору?»? Покажите связь этой концепции с эстетикой сентиментализма.

Н.М. Карамзин (1766 — 1825) Что нужно автору?

Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, пронизательный разум, живое воображение и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей; если хочет, чтобы

дарования его сияли светом немерцающим; если хочет писать для вечности и собирать благословения народов. Творец всегда изображается в творении и часто -- против воли своей. Тщетно думает лицемер обмануть читателей и под златую одежду пышных слов сокрыть железное сердце; тщетно говорит нам о милосердии, сострадании, добродетели! Все восклицания его холодны, без души, без жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется из его творений в нежную душу читателя.

Если бы небо наделило какого-нибудь изверга великими дарованиями славного Аруэта, то, вместо прекрасной "Заиры", написал бы он карикатуру "Заиры". Чистейший целебный нектар в нечистом сосуде делается противным, ядовитым питием.

Когда ты хочешь писать портрет свой, то посмотришься прежде в верное зеркало: может ли быть лицо твое предметом искусства, которое должно заниматься одним изящным, изображать красоту, гармонию и распространять в области чувствительного приятные впечатления? Если творческая натура произвела тебя в час небрежения или в минуту раздора своего с красотой: то будь благоразумен, не безобразь художниковой кисти, -- оставь свое намерение. Ты берешься за перо и хочешь быть автором: спроси же у самого себя, наедине, без свидетелей, искренно: каков я? ибо ты хочешь писать портрет души и сердца своего.

Ужели думаете вы, что Геснер мог бы столь прелестно изображать невинность и добродушие пастухов и пастушек, если бы сии любезные черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть автором: читай историю несчастий рода человеческого -- и если сердце твое не обольется кровию, оставь перо, -- или оно изобразит нам хладную мрачность души твоей.

Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открыт путь во чувствительную грудь твою; если душа твоя может возвыситься до страсти к добру, может питать в себе святое, никакими сферами не ограниченное желание всеобщего блага: тогда смело призывай богинь парнасских -- они пройдут мимо великолепных чертогов и посетят твою смиренную хижину -- ты не будешь бесполезным писателем -- и никто из добрых не взглянет сухими глазами на твою могилу.

Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения -- все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством; если не оно разгорячает воображение писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будет его наградою.

Отчего Жан-Жак Руссо нравится нам со всеми своими слабостями и заблуждениями? Отчего любим мы читать его и тогда, когда он мечтает или запутывается в противоречиях? --

Оттого, что в самых его заблуждениях сверкают искры страстного человеколюбия; оттого, что самые слабости его показывают некоторое милое добродушие.

Напротив того, многие другие авторы, несмотря на свою ученость и знания, возмущают дух мой и тогда, когда говорят истину: ибо сия истина мертва в устах их; ибо сия истина изливается не из добродетельного сердца; ибо дыхание любви не согревает ее.

Одним словом: я уверен, что дурной человек не может быть хорошим автором.

6. Основываясь на статье Н.М. Карамзина «Письмо к издателю» охарактеризуйте концепцию журнала «Вестник Европы». Какое место в этом журнале должна была занимать критика? Что Карамзин считает целью литературной критики?

Н.М. Карамзин (1766 — 1825) Письмо к издателю (1802)

Искренно скажу тебе, что я обрадовался намерению твоему издавать журнал для России в такое время, когда сердца наши, под кротким и благодетельным правлением юного монарха, покойны и веселы; когда вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который, по всем вероятностям, будет тверд и продолжителен; когда науки и художества в быстрых успехах своих обещают себе еще более успехов; когда таланты в свободной тишине и на досуге могут заниматься всеми полезными и милыми для души предметами; когда литература, по настоящему расположению умов, более нежели когда-нибудь должна иметь влияние на нравы и счастье.

Уже прошли те блаженные и вечной памяти достойные времена, когда чтение книг было исключительным правом некоторых людей; уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях чувствует нужду в познаниях и требует новых, лучших идей. Уже все монархи в Европе считают за долг и славу быть покровителями учения. Министры стараются слогом своим угождать вкусу просвещенных людей. Придворный хочет слыть любителем литературы; судья читает и стыдится прежнего непонятного языка Фемиды; молодой светский человек желает иметь знания, чтобы говорить с приятностию в обществе и даже при случае философствовать. Нежное сердце милых красавиц находит в книгах ту чувствительность, те пылкие страсти, которых напрасно ищет оно в обожателях; матери читают, чтобы исполнить тем лучше священный долг свой - и семейство провинциального дворянина сокращает для себя осенние вечера чтением какого-нибудь нового романа. Одним словом, если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь общая и главная в Европе.

Чтобы увериться в этой истине, надобно только счесть типографии и книжные лавки в Европе. Отечество наше не будет исключением. Спроси у московских книгопродавцев - и ты узнаешь, что с некоторого времени торговля их беспрестанно возрастает и что хорошее сочинение кажется им теперь золотом. Я живу на границе Азии, за степями отдаленными, и почти всякий месяц угощаю у себя новых рапсодов, которые ездят по свету с драгоценностями русской литературы и продают множество книг сельским нашим дворянам. Доказательство, что и в России охота к чтению распространяется и что люди узнали эту новую потребность души, прежде неизвестную. Жаль только, что недостает таланта и вкуса в артистах нашей словесности, которых перо по большей части весьма незаманчиво и которые нередко во зло употребляют любопытство читателей! А в России литература может быть еще полезнее, нежели в других землях: чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце и тем более плодов приносит. Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей! Итак, я воображаю себе великий предмет для словесности, один достойный талантов.

Сколько раз, читая любопытные европейские журналы, в которых теперь, так сказать, все лучшие авторские умы на сцене, желал я внутренно, чтобы какой-нибудь русский писатель вздумал и мог выбирать приятнейшее из сих иностранных цветников и пересаживать на землю отечественную! Сочинять журнал одному трудно и невозможно; достоинство его состоит в разнообразии, которого один талант (не исключая даже и Вольтерова) никогда не имел. Но разнообразие приятно хорошим выбором; а хороший выбор иностранных сочинений требует еще хорошего перевода. Надобно, чтобы пересаженный цветок не лишился красоты и свежести своей.

Ты как будто бы угадал мое желание и как будто бы нарочно для меня взялся исполнить его. Следственно, я должен быть благодарен и не могу уже с циническою грубостию спросить: "Господин журналист! Можешь ли ты удовлетворить всем требованиям вкуса?" Но между тем благодарность не мешает мне подать тебе дружеский совет в рассуждении обещаемой тобою критики.

А именно: советую тебе быть не столько осторожным, сколько человеколюбивым. Для истинной пользы искусства артист может презирать некоторые личные неприятности, которые бывают для него следствием искреннего суждения и оскорбленного самолюбия людей; но точно ли критика научает писать? Не гораздо ли сильнее действуют образцы и примеры? И не везде ли таланты предшествовали ученому, строгому суду? *La critique est aisee, et l'art est difficile!* Пиши, кто умеет писать хорошо: вот самая лучшая критика на дурные книги! - С другой стороны,образи бедного автора, может быть добродушного и чувствительного, которого новый Фрерон убивает одним словом! Вообрази тоску его самолюбия, бессонные ночи, бледное лицо!.. Не знаю, как другие думают; а мне не хотелось бы огорчить человека даже и за "Милорда Георга" {Может быть, глупейший из русских

романов.}, пять или шесть раз напечатанного. Глупая книга есть небольшое зло в свете. У нас же так мало авторов, что не стоит труда и пугать их. - Но если выйдет нечто изрядное, для чего не похвалить? Самая умеренная похвала бывает часто великим ободрением для юного таланта. - Таковы мои правила!

Поздравляю тебя с новым титулом политика; надеюсь только, что эта часть журнала, ко счастью Европы, будет не весьма богата и любопытна. Что для кисти Вернетовой буря, то для политика гибель и бедствие государств. Народ бежит слушать его, когда он, сидя на своем трезубце, описывает раздоры властей, движение войска, громы сражений и стон миллионов; но когда громы умолкнут, все помирится и все затихнет; тогда народ, сказав: "Finita e la commedia!", идет домой, и журналист остается один с листами своими!

Контрольно-тестовое задание «Нормативно-жанровая классицистическая критика (М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков)»

1. Слово «критика» пришло в русский язык:
 - 1) Из греческого через французское посредство
 - 2) Из латинского через немецкое посредство
 - 3) Из голландского языка
 - 4) Из английского языка
2. Слово «критика» на русском языке впервые употребил:
 - 1) М.В. Ломоносов
 - 2) А.П. Сумароков
 - 3) А.Д. Кантемир
 - 4) Феофан Прокопович
3. Какая проблема не была предметом полемики между В.К. Тредиаковским, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым?
 - 1) Проблема тонического стихосложения
 - 2) Проблема литературного языка
 - 3) Проблема жанра
 - 4) Проблема литературного героя
4. Наиболее подходящим размером для русского стиха В.К. Тредиаковский считал
 - 1) Гекзаметр
 - 2) Хорей
 - 3) Амфибрахий
 - 4) Ямб
5. Наиболее подходящим размером для русского стиха М.В. Ломоносов считал
 - 1) Гекзаметр
 - 2) Хорей
 - 3) Амфибрахий
 - 4) Ямб
6. В качестве практической реализации своей теории русского стихосложения М.В. Ломоносов написал
 - 1) «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке»
 - 2) «Эпистолу о стихотворстве»
 - 3) «Оду на взятие Хотина»
 - 4) «Российскую грамматику»
7. В споре между В.К. Тредиаковским и М.В. Ломоносовым о русском стихосложении победила точка зрения
 - 1) Тредиаковского
 - 2) Ломоносова
 - 3) Оба поэта отказались от своих точек зрения
 - 4) Спор остался незавершенным
8. «Две эпистолы» А.П. Сумарокова написаны по образцу

- 1) «Риторика» Аристотеля
- 2) «Сатир» Кантемира
- 3) «Искусства поэзии» Буало
- 4) «Лицея» Лагарпа
9. А.П. Сумароков считает церковнославянский и русский:
 - 1) Единым языком
 - 2) Двумя разными языками
 - 3) Письменной и устной формой одного языка
 - 4) Двумя сменяющимися друг друга стадиями развития одного языка
10. А.П. Сумароков издавал журнал
 - 1) «Трудолюбивая пчела»
 - 2) «Ежемесячные сочинения»
 - 3) «Всякая всячина»
 - 4) «Полезное увеселение»
11. Литературно-критические выступления М.В. Ломоносова появлялись на страницах журнала
 - 1) «Трудолюбивая пчела»
 - 2) «Ежемесячные сочинения»
 - 3) «Всякая всячина»
 - 4) «Полезное увеселение»
12. Отметьте те группы лексики, которые М.В. Ломоносов выделяет в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке»:
 - 1) Церковнославянизмы
 - 2) Галицизмы
 - 3) Лексика, общая церковнославянскому и русскому языку
 - 4) Русизмы

Письменные работы:

1. Аннотация книги или отдельного произведения.
2. Обзор одного из периодических изданий.
3. Рецензии на художественные произведения (поэтические, прозаические, сценические постановки, художественные и документальные кинофильмы), появившиеся за последние месяцы.

Устные сообщения по критическим статьям:

1. В.Г.Белинский. Становление эстетических взглядов Белинского. А.В.Дружинин о достоинствах и недостатках критики 40-х годов.
2. Личность и судьба А. Григорьева. А.Григорьев – глава русской критики по выражению А.Блока.
3. Осмысление романа–эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» в критических работах Н.Н.Страхова.
4. В. Соловьев о Пушкине. Литературно-критическая полемика вокруг статьи «Судьба Пушкина».
5. Осмысление судьбы Лермонтова в статьях Мережковского, Соловьёва и Розанова.

Вопросы для СРС

- 1.«Арзамас» и «Беседа любителей русского слова». Своеобразие литературной полемики в начале XIX века.
- 2.Декабристская критика: А. Бестужев, К. Рылеев, В. Кюхельбекер. Спор о романтизме и классицизме. Становление жанра обзора и проблемной статьи.
- 3.Споры о классицизме и романтизме в русской критике 20-х годов XIX века.
- 4.Общая ситуация в литературной критике 20-х годов XIX века.

5. Общая ситуация в литературной критике 30-х годов XIX века.
6. П. Вяземский. Основные критические работы. Оценка пушкинского творчества. Трактровка критиком понятий «народность» и «национальность».
7. А. С. Пушкин - критик. Судьба «Литературной газеты» и журнала «Современник».
8. «Торговое направление» в литературной критике. Специфика литературной политики и критической деятельности «Библиотеки для чтения» (О. Сенковский) и «Северной пчелы» (Ф. Булгарин и Н. Греч).
9. Д. Веневитинов как основатель философской критики. Д. Веневитинов о творчестве А. С. Пушкина.
10. Н. Полевой и его «Московский телеграф». Концепция романтизма Н. Полевого. Оценка критиком творчества крупнейших писателей и поэтов первой трети XIX века.
11. Н. Надеждин как родоначальник реалистической критики. Основные эстетические и литературно - критические взгляды. Судьба журнала «Телескоп».
12. И. В. Киреевский - критик. Своеобразие литературно-критической позиции «Московского вестника».
13. Старшие славянофилы. Оценка К. Аксаковым творчества Н. Гоголя. М. Погодин и его журнал «Москвитянин».
14. Основные этапы эволюции этических и эстетических взглядов В. Белинского.
15. Главные литературно - критические жанры в творчестве В. Белинского.
16. Цикл статей В. Белинского «Сочинения Александра Пушкина». Жанровое и идейное своеобразие. Трактровка В. Белинским романа А. Пушкина «Евгений Онегин».
17. Оценка В. Белинским творчества А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя.
18. Различные концепции романтизма в русской критике нач. XIX века.
19. «Эстетическая критика» А. Дружинина. Эстетический триумвират: А. Дружинин, В. Боткин, П. Анненков. Деятельность П. Анненкова как пушкиниста.
20. Спор В. Белинского и К. Аксакова о поэме Н. Гоголя «Мёртвые души».
21. Эволюция литературно-критических воззрений С. П. Шевырева. Роль С. Шевырева в становлении академического литературоведения.
22. В. Майков – критик. Оценка В. Майковым раннего творчества Ф. Достоевского.
23. Н. В. Гоголь – критик.
24. Литературно-критическая позиция Н. Некрасова. Становление «натуральной школы» в русской литературе 40-х годов XIX века. Эволюция идеологии журнала «Современник».
25. Чернышевский как ведущая фигура русской реалистической критики 50-60 гг. XIX века. Н. Чернышевский - идейный вдохновитель «Современника».
26. Концепция Чернышевского развития русской критики «гоголевского периода».
27. Эстетические воззрения Н. Г. Чернышевского.
28. Н. Добролюбов как создатель «реальной критики». Толкование Добролюбовым творчества Гончарова, Островского, Тургенева.
29. Особенности критического метода Н. Чернышевского и Н. Добролюбова.
30. Русская литературная критика 50-90 г. XIX века о Л. Н. Толстом.
31. Русская литературная критика 50-90 г. XIX века о А. Н. Островском.
32. Русская литературная критика 50-90 г. XIX века о И. С. Тургеневе.
33. Русская литературная критика 50-90 г. XIX века о Ф. М. Достоевском.
34. Русская литературная критика 50-90 г. XIX века о И. Гончарове и М. СалтыковеЩедрине.
35. Литературно-критическая деятельность А. И. Герцена. Судьба «Колокола».
36. Д. Писарев - «третий» русский критик - демократ. Сочетание утилитарного и эстетического методов критика. Тезис Писарева о «разрушении эстетики».
37. «Органическая» критика А. Григорьева. Своеобразие неославянофильства.
38. Ф. М. Достоевский - критик. Деятельность Ф. Достоевского как редактора журналов «Время» и «Эпоха». Концепция «почвенничества».
39. Русская критика XIX века о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».
40. Русская литературная критика о романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

41. Своеобразие литературно-критических позиций Н. Стрхова и К.Н. Леонтьева. «Неославянофильское» и «охранительное» направления.
42. Писательская критика второй половины XIX века: И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой.
43. Писательская критика второй половины XIX века: М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков, А.Н. Островский.
44. Общая характеристика русской литературной критики 50-70-х годов XIX века.
45. Общая характеристика русской литературной критики 50-70 годов XIX века.
46. Общая характеристика русской литературной критики 40-х годов XIX века.
47. Оценка романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» критиками-современниками.
48. Критика в журнале «Русское слово»: Г.Е. Благосветлов, Д.И. Писарев, В.А. Зайцев.
49. Своеобразие литературно-критической позиции М.А. Антоновича. Распад радикальной критики.
50. Спор о категориях «тип» и «типическое» в литературной критике 50-70-х годов XIX века.
51. Особенности критического метода Н. Михайловского. Отношение к творчеству М. Горького и А. Чехова.
63. Литературно-критическая позиция С.С. Дудышкина. С. Дудышкин как ведущий критик журнала «Отечественные записки» в 50-е годы XIX века.
64. Споры о «герое» в литературной критике 50-80-х годов XIX века: «лишний человек», «положительный герой».
65. Полемика о роли литературы и писателя в обществе в литературной критике 50-70-х годов XIX века.
68. Народническая критика в журнале «Дело». Литературная позиция Н.В. Шелгунова и П.Н. Ткачева.
69. Своеобразие народнической критики конца 80-х начала 90-х годов XIX века. Судьба журнала «Отечественные записки».
70. Характеристика основных литературно-критических жанров Литературная деятельность Н.М. Карамзина. Повесть «Бедная Лиза»: поэтика, проблематика, рецепция и традиция в дальнейшей литературе

Вопросы к зачету

1. Литературная критика среди гуманитарных дисциплин.
2. Типологии литературной критики.
3. Проблемы периодизации истории русской литературной критики.
4. Нормативно-жанровая классицистическая критика (М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков)
5. Н.И. Новиков как литературный критик.
6. Н.М. Карамзин как литературный критик.
7. Литературные споры «шишковистов» и «карамзинитов».
8. Литературная критика русского романтизма: В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков.
9. Русское шеллингианство в литературной критике 1820-х гг.
10. Литературная критика декабристов.
11. Н.А. Полевой как литературный критик.
12. Н.И. Надеждин как литературный критик.
13. «Торговое» направление в русской литературной критике 1830 — 1840-х гг.
14. Консервативное направление в русской литературной критике 1830 — 1840-х гг.
15. А.С. Пушкин как литературный критик.
16. Н.В. Гоголь как литературный критик.
17. Литературная критика славянофилов.
18. Литературно-критическая деятельность В.Г. Белинского 1830-х гг. Влияние философии Шеллинга, Фихте и Гегеля на его литературно-критические взгляды.
19. Литературно-критическая деятельность В.Г. Белинского 1840-х гг.

20. А.А. Григорьев как литературный критик.
21. Н.Г. Чернышевский как литературный критик.
22. Н.А. Добролюбов как литературный критик.
23. Д.И. Писарев как литературный критик.
24. Эстетическое направление в литературной критике.
25. Литературная критика почвенничества.
26. Народническая литературная критика.
27. Ф.М. Достоевский как литературный критик.
28. В.С. Соловьев как литературный критик.
29. К.Н. Леонтьев как литературный критик.
30. Ранний период литературно-критической деятельности В.В. Розанова.

4. Методические материалы, определяющие процедуры оценивания знаний, умений, навыков и (или) опыта деятельности, характеризующих этапы формирования компетенций.

Знания, умения, навыки студента на зачете оцениваются

Или зачтено, не зачтено

Основой для определения оценки служит уровень усвоения студентами материала, предусмотренного данной рабочей программой

Оценивание студента на зачете по дисциплине

Оценка зачета (стандартная)	Требования к знаниям
«зачтено» («компетенции освоены»)	Оценка «зачтено» выставляется студенту, если он твердо знает материал, грамотно и по существу излагает его, не допуская существенных неточностей в ответе на вопрос, правильно применяет теоретические положения при решении практических вопросов и задач, владеет необходимыми навыками и приемами их выполнения.
«не зачтено» («компетенции не освоены»)	Оценка «не зачтено» выставляется студенту, который не знает значительной части программного материала, допускает существенные ошибки, неуверенно, с большими затруднениями выполняет практические работы. Как правило, оценка «не зачтено» ставится студентам, которые не могут продолжить обучение без дополнительных занятий по соответствующей дисциплине.